

УДК 821

Юлия Геннадьевна Хазанкович,
доктор филологических наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова
(677000, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42),
e-mail: hazankovich33@mail.ru

Литературы автохтонных народов Севера до и после 1917 года: опыт историко-критической рефлексии

Актуальность темы обусловлена необходимостью критической рефлексии творчества первых писателей-северян в советский и постсоветский периоды. Экскурс в историю подготовки писателей из числа коренных народов Севера, обращение к истокам их творчества, идейно-тематическому содержанию, национальной самобытности художественного слова позволяют представить их как репрезентативные явления своего времени. Если в советское время при анализе первых произведений северян обращались к проблемам литературным и общественно-политическим, то в постсоветский период наблюдается философское восприятие критикой художественного слова северян, его деидеологизированное прочтение и постмодернистское «декодирование». Для постсоветской критики характерна публицистичность и полемичность в оценке художественно-эстетического феномена, коим является литература малочисленных народов Севера. В статье показано, что «постмодернистский» подход к художественным «текстам» северян, написанных в разные периоды истории, не способствует выявлению национальных особенностей художественного слова северян и жанрово-стилевого своеобразия их произведений. Историко-критическая рецепция заявленной темы позволяет представить особенности функционирования художественного слова народов Севера. Идеологические каноны, художественная регламентированность национальных литератур в советский период, с одной стороны, укоренённость литератур народов Севера на образно-тематическом и ценностном уровнях в фольклоре и национальном языке на всех этапах развития, с другой – всё это определило особенности функционирования художественного слова северян в 1920–2000-е годы. В статье выявляются подходы и критерии оценки творчества северян в разные исторические периоды, уточняются методологические принципы изучения литератур. Для достижения поставленной цели применяются сравнительно-исторический и герменевтический подходы.

Ключевые слова: рецепция, малочисленные народы Севера, идеология, советский период, революция, автохтонное слово, критика

Вводная часть. Наше обращение к теме – наказ народного писателя Якутии, звенского поэта, прозаика и общественного деятеля Андрея Васильевича Кривошапкина. Тема предполагает не только размышление о значении революции 1917 года в зарождении и истории литератур народов Севера в синхроническом и диахроническом аспектах, но и творческую рецепцию завоеваний революции писателями-северянами – от зачинателей до современников, а также критическую рефлексию исследователей национальных литератур.

Данные о методологии и методике исследования. «Датовская» тема актуализирует анализ подходов в оценке творчества северян в разные исторические периоды. Для достижения поставленной цели применяются

сравнительно-исторический и герменевтический подходы.

Результаты исследования. Цель сопоставления «старого и нового» в работах советского периода была, по мнению французского исследователя Евы Тулуз, «чисто идеологической: иллюстрировать постулат, что прошлое было плохое, а настоящее-будущее – прекрасное» [17].

Отправной точкой нашей рецепции будет высказывание современного критика: «Северные народы оказались крайне плодотворны на литераторов. Их возникновение и рост не были закономерным процессом там, где нет традиций письменной культуры... Развитие литературы на Севере культивировалось искусственно... Действительно ли нужна письменность архаическому обществу или её

навязывание бессмысленно, а может даже принесло вред?» [6, с. 116]. Прояснить вопрос «Нужна ли письменность архаическому обществу?» можно только через обращение к историко-литературным фактам и свидетельствам.

Через два года после свершения революции, в 1919 году, когда страна была в состоянии гражданской войны, при научно-техническом отделе ВСНХ была создана Комиссия по делам Севера. В этом же году к проектным работам по Северу была привлечена Российская академия наук.

Огромное значение в молодой советской стране уделялось образованию. Северяне не были исключением. В начале 1920-х годов появились первые школы для хантов, эвенков и др. В 1925 году на рабфаке Ленинградского университета состоялся первый набор студентов из числа северян с окраин Сибири и Дальнего Востока, затем подобные учебные отделения были открыты в Томске и Иркутске [18, с. 102–103].

Особую роль в просвещении северян сыграли культбазы. В 1925 году Комитет Севера принял решение о создании культурных центров для приобщения северных кочевников к социалистическому образу жизни. Первые агитационные пьесы на родных языках, обличавших шаманов, кулаков, «врагов народа», были написаны и поставлены на сцене учениками культбазовских школ. Некоторые пьесы остались на скрижалях литературной истории малочисленных народов Севера. Так, в разных местах компактного проживания северян появлялись одноимённые пьесы «Шаман», авторами которых были эскимос Ктугье, ненец И. Ного, нивх Соет, чукча Енок и др. При отсутствии очевидных художественных достоинств их ценность – временная, факт письменного автохтонного слова у ранее бесписьменного народа¹.

В советское время было немало исследований, посвящённых послереволюционному развитию литератур малочисленных народов Севера. О роли Великого Октября в изменении жизни северян и зарождении художественного слова у «инородцев» Севера имеется немало очерков и литературоведческих исследований М. Воскобойникова, Г. И. Ломидзе, М. Н. Пархоменко и других [8; 9; 12; 15; 23]. Это логично, потому что до ре-

¹ Огрызко В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: библиогр. справ. – М.: Лит. Россия, 1998. – Ч. 1. – 535 с.; Огрызко В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: библиогр. справ. – М.: Лит. Россия, 1999. – Ч. 2. – 547 с.

волюции, в имперскую эпоху, у малочисленных народов Севера практически не было условий для формирования письменного художественного слова – тотальная безграмотность и бедность северян, а также отсутствие заинтересованности у властей, за исключением православных миссий, просвещать инородцев, «масса туземного населения жила в подавляющем большинстве вне культурного влияния». Только во второй половине XIX века делаются попытки обратить внимание на грамотность среди «туземцев края». Исключением были церковно-приходские и так называемые «министерские школы», которые давали государственное начальное образование. Были они под патронатом Министерства народного просвещения. Но дело народного образования среди туземцев, по словам Г. Попова, «подвигалось туго». Только после 1905 года с ростом общественного сознания начинает среди народа меняться взгляд на образование [13, с. 223–227; 19].

Но художественное слово инородцев Севера в дореволюционный период всё-таки прозвучало. И оно связано с именем русскоязычного романиста и драматурга Гамаллила Гантимурова, потомка известного эвенкийского княжеского рода. Самый известный и доступный из наследия первого эвенкийского писателя – роман «Ганя Хмуров» (1904). Это произведение из так называемой «задержанной литературы», его автор был потомком княжеского рода Гантимуровых, сам носил княжеский титул, и в советское время, естественно, не был жалован. Он скончался в Иркутске, в 1921 году, а его имя более чем на полвека имя было стёрто из истории литератур народов Севера. Художественная практика Гантимурова уникальна: он был в переписке с В. Г. Короленко, его стиль формировался в традициях областнической литературы Сибири, впервые в литературах народов Севера были обозначены «экзистенциальные» вопросы ответственности и выбора. Но какой-либо исследовательской рецепции феномен творчества Г. Гантимурова почти не получил² [2; 20].

В большинстве своём развитие новописьменных литератур, народы которых «до Октябрьской революции не имели письменности и были загнаны в самые глухие места нашей планеты, вымирали от эпидемий, голода и лишений...», началось в первые годы установления советской власти на местах.

² Списки Селенгинского и Нерчинского архивов // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. – Ф. 21. – Оп. 4. – Д. 29. – Л. 15.

Это было поистине «историческим чудом» [23, с. 148]. Утверждение оспаривать не будем, учитывая, что уже в середине 1920-х годов первые поэты и прозаики-северяне открыли молодой Советской республике свои народы и культуру через начертанное на бумаге Слово.

Знаменательно, что через 10 лет после свершения революции, в 1927 году, патриарх североведения В. Г. Богораз-Тан и его ученик С. Н. Стебницкий издали на русском языке «Букварь для северных народностей». В предисловии, которое звучало как «Обращение к учителю», авторы обозначили задачи: 1) дать ученику материал из северной жизни, знакомой и привычной ему с раннего детства; 2) научить его при помощи этого материала читать и писать; 3) научить его русскому языку. В 1929 году, благодаря инициативе А. Подгорской, была издана учебная книга «Из нашей жизни». Её основное содержание – короткие рассказы студентов Северного факультета Ленинградского восточного института, в которых «красной строкой проходит мысль – “до” и “после” Октября. Этот мотив почти на два с лишним десятилетия определил содержание большинства произведений литератур малочисленных народов Севера» [11, с. 4–5]. Авторам первых рассказов-зарисовок больше нравилось «рассказывать сказки на бумаге», нежели описывать бытовые и промысловые сцены из своей жизни. Содержание книги было ориентировано на читателей-северян, плохо владеющих русским языком, и после знакомства с ней высшей похвалой было признание: «Так было интересно, словно домой съездил».

В советской республике с 1928 по 1933 гг. на русском языке выходил журнал «Тайга и тундра», в первом номере которого отмечалось, что «это в первый раз северные туземцы, некультурные, бесписьменные, пишут сами о себе» [Там же, с. 6].

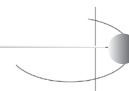
Безусловно, это так, потому что до революции были книги для народов Севера, в том числе и учебные, но они зачастую были созданы священниками-миссионерами, и основное содержание их носило религиозный характер. В первые десятилетия советской власти со студентами-северянами работали активно: северяне были не только информантами, но пробовали работать с родным письменным словом – по предложенному педагогом плану на родном языке записывали историю из собственной жизни, своего рода и делали переводы произведений русской классики, А. С. Пушкина в частности, – сказки

А. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» (немец К. Ненянг), повесть «Станционный смотритель» (хант Н. Терешкин), лирики и др.

Опыты перевода, погружение в традиции русской прозы, творчества, в частности М. Горького, драматургию А. Островского, А. Чехова, увлечённость революционной поэзией 1920-х годов, – в этом соединении «мощных поэтических традиций своих народов с высокими достижениями русской и мировой культуры» [23, с. 149] появилась возможность зарождения и становления национальной поэзии – гражданской и лирической, прозы – социально-бытовых рассказов, социально-исторических и лирических повестей, драматургии – одноактных агитационных пьес. Это явление обозначили как «культурный взрыв», «ускоренное» развитие национальных литератур [см.: 10].

Сегодня эту «ускоренность» пытаются поставить под сомнение, равно как и сам факт необходимости существования у народов Севера литературы и письменности. Вновь обращаемся к книге «Цветы во льдах» И. Гобзева. Жанровое обозначение книги необычное: «Литература народов Севера и Дальнего Востока: наблюдения философа и критика». Книга состоит из очерков-медальонов о творчестве/произведении конкретного автора. Так, в очерке «В традициях волшебной сказки», посвящённом творчеству зачинателя удэгейской литературы Дж. Кимонко, автор пишет: «Стиль повести полностью соответствует манере письма советской эпохи, и это мешает проникновению в суть текста, почти повсюду преследуют навязчивые мнения редактора и литературная переработка... Вполне очевидно, что выросший в дикой тайге на берегу речушки в юрте... едва ли мог мыслить категориями марксизма-ленинизма и легко пользоваться распространёнными для литературы того времени оборотами...» [6, с. 135].

Подобное «наблюдение» имеет право быть, особенно у читателя, воспитанного на классических образцах русской и мировой литератур, но далёкого от литератур национальных. В этой связи следует обратиться к свидетельству Юлии Шестаковой, переводчицы Джанси Кимонко. Она дружила и была вдохновителем Кимонко, жила рядом с писателем в удэгейском посёлке Гвасюги. Именно в её переводе (а он был сделан ещё при жизни Кимонко!) и редакторской обработке повесть удэгейца впервые увидела свет: «Первая часть повести уже была опубликована в Ленинграде в журнале «Звезда» ...Писатели

(А. Твардовский, Эм. Казакевич, Л. Сейфуллина и др.) высказали интересные мысли относительно языка, стиля, задавали вопросы, связанные с этнографическими особенностями повести Д. Кимонко, отмечали достоинства перевода [21, с. 74]. Воспоминания Шестаковой – документ, и он при всей субъективности объективен. Кимонко мог «мыслить категориями марксизма-ленинизма», потому что за его плечами было несколько курсов Института народов Севера в Ленинграде и потому что он был человеком своего времени, а не только рождённый «в лесной глуши». Кимонко был близок и понятен Шестаковой – она была в экспедиции в Сихотэ-Алинь, знала культуру удэгейцев, у них был общий с Кимонко хронотоп эпохи, что позволило русской переводчице очень корректно выразить на русском языке мысль-идею с удэгейской душой своего друга. «Манера письма советской эпохи», столь неприемлемая современным критиком, мешать современному читателю не должна, просто должно быть осознание того, что это только начало становления художественного мышления и художественного слова писателей Севера.

Обсуждение результатов. В книге Ивана Гобзева встречается немало негативных и откровенно оскорбительных высказываний в адрес советской власти, которая, по его мнению, душила культуры автохтонных народов, изменила сознание носителей традиционной культуры и почти уничтожила шаманов, попыталась игнорировать сам факт, что большинство будущих писателей коренных народов Севера своё мастерство обретали в стенах Литературного института в Москве и Института народов Севера в Ленинграде. О столь нетривиальных наблюдениях И. Гобзева высказался профессор МГУ им. М. В. Ломоносова А. В. Ващенко, исследователь фольклора и литератур североамериканских индейцев и народов Севера России: «Дело не столько в демонизме советской власти, которая при таком подходе предстаёт явлением исключительным, сколько в конфликте традиционной культуры и цивилизации, как он проявился в XX веке» [4, с. 6].

Зачинатели литератур народов Севера – юкагир Тэки Одулок, эвен Николай Тарабукин, удэге Дж. Кимонко и другие, не по принуждению, а по велению души, обращались в своих первых писательских опытах к истории и современности своего народа, и обращались через факты своей собственной автобиографии. Подзабытый сегодня советский писатель, автор романа «Последний из удэ-

ге», Александр Фадеев заметил: «Дело не в том, где живёт писатель..., с темпераментом борца всегда и везде найдёт новое в жизни... О чём бы писатель ни говорил, какие бы стороны жизни он ни отражал, он во всё это должен вложить свою собственную биографию» [цит. по: 21, с. 78].

Отложенные во времени результаты Октябрьской революции 1917 года сегодня оценивают неоднозначно и сами писатели-северяне. Оценка политики национального строительства в ленинское время, на наш взгляд, должна быть объективна: безусловно, она не остановила сокращение численности говорящих на родных языках (эта тенденция обозначилась ещё в царское время и была отмечена В. Иохельсоном, исследовавшим юкагиров), но именно тогда было положено начало работ по организации национальных районов, созданию письменности для малочисленных народов, изданию книг и учебных пособий на северных языках и др. Позднее работы в этом направлении были заторможены (начиная с 1930-х годов), а затем и свёрнуты (постперестроечное безвременье). В этом можно убедиться, обратившись к полярным суждениям современных писателей-северян: братьев Куриловых – юкагирского поэта Улу-ро Адо в книге «Избранное» (2012) и писателя Н. Курилова в фантастических рассказах и его поэтическом сборнике «О вчерашнем вспомню...»; творчеству ненки Анны Неркаги; поздней романистике чукчи Юрия Рытхэу; публицистике ханта Еремея Айпина; к повестям и публицистике эвенков Г. Варламовой-Кэптукэ, Александра Латкина, Варвары Даниловой; автобиографической трилогии эвена А. Кривошапкина «Кочевье длиною в жизнь» и др.

Год 1917 – точка бифуркации не только в истории аграрной России, судьбе русского народа и «иностранцев» российского государства. Политика молодого советского государства была направлена на создание благоприятных условий для зарождения и развития литератур, в том числе и литератур малочисленных народов Севера как на русском языке, так и родном. При ВЦИК существовал специальный отдел национальностей, который занимался вопросами создания письменности и введения преподавания на родном языке для учащихся-националов [см.: 1].

М. Воскобойников в очерке «Колыбель новописьменных литератур» отмечал, что «северяне писали свои первые рассказы и повести, создавали стихотворения и поэмы на родном языке. Исключением был юкагир

Тэки Одулок, создавший свою повесть на русском языке. В Институте народов Севера родилась письменность для эвенков, эвенов, чукчей, коряков, ненцев, хантов, манси, нивхов и др. С чукчами работал Г. И. Богораз и Г. Мельников, коряками – С. Стебницкий, с нанайцами – В. Аврорин, эвенками – Г. М. Василевич, эвенами – В. И. Цинциус и др.» [22, с. 207]. На протяжении всего существования история литератур народов Севера была сопряжена с историей страны, и это нашло отражение в этапности ее становления и формировании образно-тематического ядра, в ее стилистических особенностях [см.: 5, с. 44–51; 14].

Безусловно, были перекосы и навязывание национальным литературам соцреалистических канонов, но надо признать, что благодаря достаточно продуманной политике советского государства в области литературы с её переводческой практикой, системой выездных творческих семинаров для молодых писателей Севера поддержка литературы на языках профильных литературных журналов и книжных серий (например, «Дружба народов») был создан фундамент для развития художественной словесности Севера как уникального этноэстетического и социокультурного явления и стилистического феномена. В этом феномене можно обнаружить типологические сходжения с другими «младописьменными литературами» России, но вместе с тем художественная словесность Севера не утратила укоренённости в национальных ценностях и связях с живой эпической традицией.

Заключение. В литературах малочисленных народов Севера на протяжении всего «советского» периода наблюдалось прохождение ценностно-эстетической самоидентификации, поэтапное обретение «самости» худо-

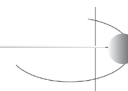
жественного слова: что-то воспринималось, заимствовалось и трансформировалось, что-то исключалось как диссонирующее устнопоэтической традиционной культуре. Но никогда в истории литератур малочисленных народов Севера не было «текстов на манер постмодернизма». Об этом писали А. В. Пошатаева и А. В. Ващенко [4; 16], такой точки зрения придерживается исследователь А. С. Жулева, которая отмечает, что одной из задач изучения литератур народов Севера должно быть описание «художественных языков, существующих на разных этапах истории словесного искусства», «распознавание смысла не только текста, но и традиций, обычаев, бытования, истолкование тайного прошлого и скрытого настоящего в духовной жизни своеобразных северных народов» [7, с. 341].

Следует особо подчеркнуть, что при всей регламентированности советского периода была сохранена укоренённость литератур народов Севера на образно-тематическом и ценностном уровнях в фольклоре и национальном языке. Этот запас прочности, видимо, и позволил, в 1990-е годы во время коренного коммуникативно-ценностного излома в нашем социуме, «трибунно» заявить писателям-северянам о бытийной катастрофе – реальной угрозе исчезновения языков, а вместе с тем и самобытных культур народов Севера с их ценностной системой.

Автохтонное слово, высказанное писателями-северянами в первые годы становления советской власти, не утратило свою мощь в советское время, не потерялось в «идеологемах». Сегодня оно набирает свою силу, оно пассионарно, потому что в традиционной культуре аборигенов Севера слово, художественное в том числе, всегда сакрально, и им никогда не играют.

Список литературы

1. Богданова Г., Винокурова И. Хранитель вепсского слова // Вепсская литература / сост. В. Огрызко. М.: Лит. Россия, 2011. С. 8–30.
2. Болонев Ф. Ф. «Не жесточью, а ласкою»: отношение русских властей к эвенкийскому роду Гантимурову в XVII–XIX веках // Этнокультурное взаимодействие народов Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. С. 30–37.
3. Ващенко А. В. Мы – Ваша совесть. Исповедимые пути родства: хантыйская литература в свете литератур «коренных американцев» // Мир Севера. 2001. № 3. С. 68–71.
4. Ващенко А. В. Сила автохтонного слова // Цветы во льдах / И. Гобзев. М.: Лит. Россия, 2013. С. 3–12.
5. Воскобойников М. Как всё начиналось. Взгляд из 1956 года // Эвенкийская литература / сост. В. Огрызко. М., 2006.
6. Гобзев И. Цветы во льдах. М.: Лит. Россия, 2013. 190 с.
7. Жулева А. С. Этнологический аспект в изучении литератур народов Севера // Вопросы изучения истории национальных литератур. Теория. Методология. Современные аспекты. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 337–366.
8. Комановский Б. Л. Самые молодые литературы. М.: Знание, 1973. 144 с.
9. Ломидзе Г. И. Ленинизм и судьбы национальных литератур. М.: Современник, 1972. 252 с.

10. Михайлов А. К. Ускорение. Якутск: Якут. книжное изд-во, 1984. 111 с.
11. Огрызко В. Литература отчаяния и надежды: вместо обзора // Хантыйская литература / сост. В. Огрызко. М.: Лит. Россия, 2002. С. 3–29.
12. Пархоменко М. Н. Рождение нового эпоса. М.: Современник, 1979. 352 с.
13. Попов Г. А. Сочинения. История христианского просвещения якутов и других инородцев Якутской области: очерки по истории Якутии. Якутск: ИГИ СО РАН, 2005. Т. 1. 275 с.
14. Пошатаева А. В. Литература народов Севера. М.: Наука, 1988. 162 с.
15. Пошатаева А. В. Концепция личности в литературе развитого реализма: миф и время. Ереван, 1980. С. 336–345.
16. Пошатаева А. В. Юрий Рытхэу, Владимир Санги. Опыт реконструкции эстетики переходных эпох // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. М.: Наука, 1998. Вып. 3. С. 122–141.
17. Тулуз Е. Между прошлым и будущим. Старое и новое в произведениях первых литераторов уральских народов Севера: идеология социализма и традиционное мировоззрение // Мансийская литература. М.: Лит. Россия, 2003. С. 101–113.
18. Увачан В. Н. Годы, равные векам: строительство социализма на Советском Севере. М., 1984. 357 с.
19. Хазанкович Ю. Г. Миссионерство и православные мотивы в литературах малочисленных народов Севера. Якутск: Бичик, 2007. 48 с.
20. Хазанкович Ю. Г. Китай и Россия: исторические метаморфозы и литературные парадоксы // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 171–179.
21. Шестакова Ю. Встречи и расставания. Хабаровск: Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры, 2003. 125 с.
22. Юкагирская литература. М.: Лит. Россия, 2006. 373 с.
23. Якименко Л. Г. На дорогах века. М.: Худож. лит., 1973. 494 с.

Статья поступила в редакцию 15.01.2017; принята к публикации 02.02.2017

Библиографическое описание статьи

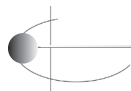
Хазанкович Ю. Г. Литературы автохтонных народов Севера до и после 1917 года: опыт историко-критической рефлексии // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 2. С. 22–28.

Yulia G. Khazankovich,
*Doctor of Philology, Associate Professor,
M. K. Ammosov North-Eastern Federal
University
(42 Kulakovskogo st., Yakutsk, 677000, Russia),
e-mail: hazankovich33@mail.ru*

The Literatures of Indigenous Peoples of the North Before and After 1917: Experience of Historical and Critical Reflection

The relevance of the topic depends on the need for critical reflection of the first indigenous writers in the Soviet and post-Soviet periods. The excursus on the history of writers among indigenous peoples of the North, the reference to the origins of their creative work, ideological and thematic content of the national identity of artistic expression allow us to represent them as a significant event of the time. In Soviet times, the literary and sociopolitical problems were considered important in analyzing the first works of indigenous writers. However, in the post-Soviet period there has been observed a philosophical perception of artistic expression of indigenous writers as well as its non-ideological interpretation and the postmodern “decoding”. Journalistic style and polemical tone in the assessment of artistic and aesthetic phenomenon are characteristic for the post-Soviet criticism. The literature of indigenous peoples of the North is a case in point. The article states that the “post-modern” approach to artistic “texts” of indigenous writers, written in different periods of history, does not contribute to the identification of the national peculiarities of artistic expression and genre-stylistic originality of their works. Historical and critical perception of the subject allows us to represent the peculiarities of artistic expression of indigenous peoples of the North. The canons of ideology, as well as the crisp classification of national literatures in the Soviet period, on the one hand, the focus of Northern peoples’ literature on the figurative, topical and value priorities in the folklore and national language, on the other hand, have determined the peculiarities of artistic expression of northern writers in the 1920–2000s. The article identifies the approaches and criteria to evaluate the creativity of northern writers in different historical periods. The article also specifies the methodological principles for the study of literature. Comparative historical and hermeneutical approaches are used to achieve this goal.

Keywords: perception, indigenous small-numbered peoples of the North, ideology, the Soviet period, the revolution, autochthonous word, criticism

References

1. Bogdanova G., Vinokurova I. *Khranitel' vepsskogo slova // Vepsskaya literatura / sost. V. Ogryzko. M.: Lit. Rossiya, 2011. S. 8–30.*
2. Bolonev F. F. «Ne zhestoch'yu, a laskoyu»: otnoshenie russkikh vlastei k evenkiiskomu rodu Gantimurovu v XVII–XIX vekakh // *Etnokul'turnoe vzaimodeistvie narodov Evrazii. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2002. C. 30–37.*
3. Vashchenko A. V. *My – Vasha sovest'. Ispovedimye puti rodstva: khantyiskaya literatura v svete literatur «korennykh amerikantsev» // Mir Severa. 2001. № 3. S. 68–71.*
4. Vashchenko A. V. *Sila avtokhtonogo slova // Tsvety vo l'dakh / I. Gobzev. M.: Lit. Rossiya, 2013. S. 3–12.*
5. Voskoboinikov M. *Kak vse nachinalos'. Vzgl'yad iz 1956 goda // Evenkiiskaya literatura / sost. V. Ogryzko. M., 2006.*
6. Gobzev I. *Tsvety vo l'dakh. M.: Lit. Rossiya, 2013. 190 s.*
7. Zhuleva A. S. *Etnologicheskii aspekt v izuchenii literatur Severa // Voprosy izucheniya istorii natsional'nykh literatur. Teoriya. Metodologiya. Sovremennyye aspekty. M.: IMLI RAN, 2014. S. 337–366.*
8. Komanovskii B. L. *Samye molodye literatury. M.: Znanie, 1973. 144 s.*
9. Lomidze G. I. *Leninizm i sud'by natsional'nykh literatur. M.: Sovremennik, 1972. 252 s.*
10. Mikhailov A. K. *Uskorenie. Yakutsk: Yakut. knizhnoe izd-vo, 1984. 111 s.*
11. Ogryzko V. *Literatura otchayaniya i nadezhdy: vmesto obzora // Khantyiskaya literatura / sost. V. Ogryzko. M.: Lit. Rossiya, 2002. S. 3–29.*
12. Parkhomenko M. N. *Rozhdenie novogo eposa. M.: Sovremennik, 1979. 352 s.*
13. Popov G. A. *Sochineniya. Istoriya khristianskogo prosveshcheniya yakutov i drugih inorodtsev Yakutskoi oblasti: ocherki po istorii Yakutii. Yakutsk: IGI SO RAN, 2005. T. 1. 275 s.*
14. Poshataeva A. V. *Literatura narodov Severa. M.: Nauka, 1988. 162 s.*
15. Poshataeva A. V. *Kontseptsiya lichnosti v literature razvitogo realizma: mif i vremya. Erevan, 1980. S. 336–345.*
16. Poshataeva A. V. *Yurii Rytkeu, Vladimir Sangi. Opyt rekonstruktsii estetiki perekhodnykh epokh // Istoriya natsional'nykh literatur. Perechityvaya i pereosmyslivaya. M.: Nauka, 1998. Vyp. 3. S. 122–141.*
17. Tuluz E. *Mezhdu proshlym i budushchim. Staroe i novoe v proizvedeniyakh pervykh literatorov ural'skikh narodov Severa: ideologiya sotsializma i traditsionnoe mirovozzrenie // Mansiiskaya literatura. M.: Lit. Rossiya, 2003. S. 101–113.*
18. Uvachan V. N. *Gody, ravnye vekam: stroitel'stvo sotsializma na Sovetskom Severe. M., 1984. 357 s.*
19. Khazankovich Yu. G. *Missionerstvo i pravoslavnye motivy v literaturakh malochislennykh narodov Severa. Yakutsk: Bichik, 2007. 48 s.*
20. Khazankovich Yu. G. *Kitai i Rossiya: istoricheskie metamorfozy i literaturnye paradoksy // Problemy Dal'nego Vostoka. 2008. № 5. S. 171–179.*
21. Shestakova Yu. *Vstrechi i rasstavaniya. Khabarovsk: Khabarovskii kraevoi blagotvoritel'nyi obshchestvennyi fond kul'tury, 2003. 125 s.*
22. *Yukagirskaya literatura. M.: Lit. Rossiya, 2006. 373 s.*
23. Yakimenko L. G. *Na dorogakh veka. M.: Khudozh. lit., 1973. 494 s.*

Received: January 15, 2017; accepted for publication February 02, 2017

Reference to the article

Khazankovich Y. G. The Literatures of Indigenous Peoples of the North Before and After 1917: Experience of Historical and Critical Reflection // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 2. PP. 22–28.